

## ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья  
УДК 81'42



## Речеактовая специфика гармонизации коммуникации в дискурсе социальной работы

Ю. И. Бредихина

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия  
bredichinajulia@yandex.ru

**Аннотация.** Стратегия гармонизации некооперативного коммуникативного взаимодействия является ключевым условием достижения дуальных целей пограничного дискурса социальной работы. Целью настоящего исследования является рассмотрение речеактовой специфики уровней коммуникативного действия в некооперативном дискурсе социальной работы. На основании интеракционного и дискурсивно-модусного анализа микроконтекстов, репрезентирующих взаимодействие агентов и клиентов социальных служб, определяются наиболее эффективные формы локуции. С их помощью транслируются частные и целецентрические гармонизирующие иллокуции. В качестве частотных и обладающих максимальным потенциалом консолидации коммуникативных усилий признаются: ассертивы, комиссивы, квеситивы, промисивы, перформативы, декларативы, апеллятивы, метакоммуникативные фатические маркеры.

**Ключевые слова:** пограничный институциональный дискурс, гармонизация коммуникации, речеактовая специфика, стратегемно-тактическое варьирование, ситуативная адаптация, модерация *tertiarii* agents

**Для цитирования:** Бредихина Ю. И. Речеактовая специфика гармонизации коммуникации в дискурсе социальной работы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3(897). С. 48–55.

Original article

## Speech Act Specifics of Communication Harmonization within the Social Work Discourse

Yulia I. Bredikhina

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia  
bredichinajulia@yandex.ru

**Abstract.** The strategy of harmonizing non-cooperative communicative interaction is a key condition for achieving the dual goals of the boundary social work discourse. The purpose of this study is to consider and analyze the communicative action levels' speech act specifics in the non-cooperative social work discourse. Based on the interactional and discursive-modus analysis of microcontexts representing the social services' agents and clients interaction, we determine the most effective forms of locution, transferring private and goal-centric harmonizing illocutions. The following are recognized as frequent and having the maximum potential for consolidating communicative efforts: assertives, commissives, questives, promissives, performatives, declaratives, appealatives, metacommunicative phatic markers.

**Keywords:** boundary institutional discourse, harmonization of communication, speech act specifics, strategic-tactical variation, situational adaptation, *tertiarii* agents' moderation

## For citation:

Bredikhina, Yu. I. (2025). Speech act specifics of communication harmonization within the social work discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(897), 48–55. (In Russ.)

## ВВЕДЕНИЕ

Гармоничная коммуникация как основа эффективного целецентрического некооперативного речевого взаимодействия определяет норму взаимоотношений в современном обществе. Любая межличностная интеракция создает коммуникативно-прагматическое пространство консолидации коммуникативных и когнитивных способностей, применяемых для достижения актуальной цели. Настоящее исследование представляет собой попытку демонстрации индивидуальных речевых стратегий как проявления субъектности в условиях пограничного дискурса социальной работы, в рамках которого пристальное внимание «третичного агента» (*tertiarii agents*) способствует сопоставлению действий непосредственных участников общения с инскрипциями социального института и ситуативной адаптации коммуникативного действия к общепринятым модельным образцам. Признанный контроль социального института определяет порядок всей речевой коммуникации, помогает выстроить конструктивный диалог, а также ограничивает яркую демонстрацию «доминантного» положения агента как названного координатора деятельности определенной организации. Среди наиболее частотных и детально изученных речевых стратегий в рамках общих организованных принципов институционального дискурса можно выделить не только классическую аргументативную тактику приведения примеров как основного конверсного хода, но и применение формульной стратегии усиления как главного персонально ориентированного элемента трансляции иллокуции. Он необходим для достижения перлокутивного эффекта, а также для внедрения ходов: повтора, контраста, смягчения [Дейк, 2000] и тактики внесения элементов неформальности, иногда даже с элементами юмора [Гойхман, Надеина, 2003].

В качестве задач работы обозначим:

- выявление роли института социальной службы как «третичного агента» (*tertiarii agents*) коммуникации в сдерживании эксцентричного речевого поведения клиента с внедрением тактик вербально-психологического давления у определенного класса клиентов (граждан);
- описание механизмов стирания доминирующей роли агента в управлении развитием дискурса при использовании кооперативных стратегий во всех видах социальной коммуникации в единстве трехфокусной

системы «социальный работник – клиент – социальная служба»;

- делимитацию приемов применения специфических речевых стратегий и тактик воздействия для достижения персональных целей непосредственных участников взаимодействия «в обход» «третичного агента» (*tertiarii agents*).

## МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Настоящая работа характеризуется конвергенцией интеракционного подхода к анализу коммуникации [Алферов, 2020] в скоординированном потоке профессионального дискурса в рамках социального института и дискурсивно-модусного анализа иллокутивных пространств агента и клиента с концепцией речевой деятельности как области смены и взаимообусловленности локутивных, иллокутивных и перлокутивных актов. Предлагаемая методология позволяет определить многоуровневую таксономию речевых актов в рассматриваемом гибридном дискурсивном пространстве.

В качестве эмпирического материала исследования послужили скрипты записей бесед, осуществляемых в рамках приема граждан различными социальными службами и административными органами.

## ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Попытка интеграции персонального и институционального дискурсов в рамках государственного аппарата всегда будет иметь аналогичную конклюденту – любой эгоцентричный перформанс представителя класса клиентов (граждан) всегда будет маркирован как несоответствующий, декодирован и пресечен строго регламентированным «Институциональным голосом». Взаимовлияния и взаимозависимости лингвокогнитивных процессов дискурсивизации и субстанционального наполнения, материальных факторов их организации следует рассматривать как интердискурс [Бубнова, 2024]. Вместе с тем подробный анализ дуальных коммуникативных отношений «клиент – агент» в рассматриваемом нами дискурсе социальной работы с населением позволяет выявить наличие некоторых представленных характеристик, свойственных институциональной коммуникации, таких как: нормативность, стереотипность, системность, апеллативность [Попова, 2015], шаблонность,

статусная ориентированность, клишированность. По мнению российского дискурсолога В. И. Карасика, «институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума <...> любое общение носит многомерный, партитурный характер, и его типы выделяются с известной степенью условности» [Карасик, 2002, с. 195].

В правиле тактической поливалентности дискурсов Мишель Фуко провозглашает: «Дискурс следует понимать как серию прерывных сегментов, тактическая функция которых не является ни единообразной, ни устойчивой» [Фуко, 1996, с. 134–135]. Он сравнивает дискурс со «сложной неустойчивой игрой», в которой дискурсивные практики имеют дуальный инструментально-результатирующий характер. Они являются способом реализации и эффектом самореализации власти. Кроме того, они могут быть охарактеризованы как бифуркационные точки сопротивления манипулятивным практикам контркоммуниканта. Эти бифуркационные точки являются пунктами смены актуальных ролей, а также истоками реализации противоположной стратегии.

Разработанная в XX веке Дж. Лэнгшо Остином (John Langshaw Austin) описательно-аналитическая теория речевых актов, органично сочетает методологию анализа процессов речепорождения и целеположения. Автор приходит к логическому заключению о том, что фундаментальной постоянной коммуникации является не континуальный субъективный фрагмент речи – высказывание, – а речевой акт как обоюдное взаимодействие – диалог или полилог между участниками коммуникативного взаимодействия, являющийся единицей речевой деятельности и протекающий в рамках социоречевого поведения [Остин, 2006].

Со временем данная идея модернизировалась и модифицировалась в работах ученика и последователя Остина – Дж. Р. Сёрла. Взяв за основу глубокий уровень коллективного и индивидуального сознания, а также механизмы экспликации иллокутивной силы, Сёрл на новом уровне описывает основные компоненты речевого акта. Он показывает, как связанное с миром сознание

раскрывается репрезентативным содержанием языковых структур. Исследователь называет это «производством» [Сёрл, 1986]. Таким образом, поиск коррелятов и адекватных переходов иллокутивных, локутивных и перлокутивных актов есть «процесс производства» некоего единства, который и будет речевым актом.

Консолидируя постулаты указанных концепций, можно дефинировать речевой акт как сложный, мотивированный, интенциональный и структурированный процесс вербальной коммуникации. Как правило, он регламентирован коммуникативными паттернами и наделен конвенциональным характером. В исследуемой парадигме «клиент – агент» речевой акт как сложноорганизованная интеракция в бинарной оппозиции характеризуется интенционально формируемым вербально-когнитивным вектором адресанта (клиента). В его структуре можно проследить саккадические изменения. Они простираются от построения локутивных единиц (при создании субстанциональной стороны высказывания как базиса для зарождения предстоящей коммуникации) до осознанного внедрения доминантным коммуникантом приемов речевого воздействия и создания перлокутивного эффекта. Ему способствует иллокутивная сила. Эта сила сопряжена с активизацией аспектуального ситуативного компонента значения, которым насыщает ее автор для достижения поставленной цели.

Что же является индикатором инициации, инхоативной фразы данного вербального взаимодействия? Кто старается проявить в нем свои манипулятивные и суггестивные компетенции, ярко демонстрируя полное владение ситуацией? Кому и по какому каналу(пути) коммуникации происходит трансляция не только информационных компонентов, но и демонстрация позиций доминирования в коммуникации, актуальной роли? И, самое главное, с каким эффектом? (см. рис. 1):

Как правило, исходный информационный посыл, являющийся триггером для формирования футуральности, в инициальной фразе обретает форму квеситива с экспликацией осознания какого-либо реального или имажинативного нарушения имеющихся у клиента представлений о модели его



Рис. 1. Компонентно-канальная модель некооперативной интеракции

взаимодействия с социальным институтом. Подобная форма кодированная, принимаемая адресантом на базисе корреляции конвенционализированной модели с неэксплицированными личными представлениями, формирует яркую концепцию будущего, в которой ему обязательно будет положено то, в чем до этого его «обделяли» и является инхоативным маркером некооперативной развернутой коммуникации (первичное обращение в органы социальной защиты), т. е. локутивный акт, по сути, представляет собой не объективацию проблемы, но маркирование осознания ее наличия, началом конфликтогенеза. Рассмотрим некоторые микроконтексты, вариативно представляющие репрезентативные способы инициирования некооперативного взаимодействия клиента и агента:

*Клиент: В средствах массовой информации сказали, что всем положена ежемесячная компенсация по коммунальным услугам! Все знакомые уже получили!!! Вот, например, моей соседке уже все выплатили! Как так? А мне когда выплатят?*<sup>1</sup>

Центральным компонентом данного коммуникативного пространства является информация о положенной, но пока имеющей абстрактный образ, выплате (ведь средства массовой информации сообщили). Следует указать, что репрезентативная форма этого сообщения не должна вводить в заблуждение при анализе, прежде всего, она реализует функцию хеджирования, снятия с себя эпистемической ответственности, оправдания повода обращения. Репрезентатив «сказали, что всем положена компенсация», как правило, представлен клиентом в акте высказывания как официальный коммуникативный регистр. Однако уже в преамбуле предстоящей межличностной коммуникации, адресат «диагностирует» степень восприятия реципиентом информации и наблюдает за его ответной эмоциональной реакцией, которая может сопровождаться физическими изменениями в мимике, кинесике, изменении тона и высоты голоса, во внешности в целом. Осознанное подключение эмотивного декларатива ассертивного типа: «Все знакомые уже получили!» – добавляет эмоционально-экспрессивную окраску данной коммуникации. Тактика приведения примера: «Вот, например, моей соседке уже все выплатили!» – как уточняющий конверсный ход придает истинности представленной информации. Коммуникативная интенция квеситива: «Как так? А мне когда выплатят?» – призывает коммуникантов к совместному устранению проблемы и акцентирует важность

конклюдии для самого адресата. Преследуя цель полного погружения агента социальной структуры в «наболевшее», клиент может внедрять тактику повтора, интенсифицируя и реактуализируя переформулированную им вербальную конструкцию несколько раз. Строго говоря, в соответствии с прагматическими условиями уместных высказываний повторение тождественных пропозиций в локально одном и том же контексте считается «избыточным», слушающий уже «знает повтор». «Таким образом, семантическое и прагматическое повторение также функционирует как риторический ход, а именно как ДОБАВЛЕНИЕ («одной и той же») информации, которая определяет фонологический ритм или синтаксический параллелизм. Такой риторический ход будет функциональным по отношению к глобальной цели. Этот дополнительный «узелок на память» окажется весьма полезным при поиске информации и сделает, следовательно, пропозицию / ассерцию более эффективной» [Дейк, 2000, с. 287–288].

В ходе речевого акта клиент может менять структуру предложения, порядок слов, но основные лексемы: «сказали», «положена», «получили» – всегда для него будут играть ключевую роль и являться некими координатами, определяющими место положение коммуникативного вектора.

В других альтернативных, но также довольно часто встречаемых микроконтекстах, маркирующих инхоативный этап проблематизации темы обращения задействованы сходные механизмы, сопровождаемые инициальными бехабитивами и хезитативными конструкциями.

*Клиент: Здравствуйте! Мне кажется, что я не получаю ежемесячную выплату по коммунальным услугам. Всем платят, а мне нет!*

*Клиент: Здравствуйте! Подскажите, пожалуйста, в этом месяце мне почему-то не выплатили ежемесячную выплату по коммунальным услугам! Все получили, а я нет!!!*

В приведенном микроконтексте клиент демонстрирует завуалированный квеситив и приглашает агента социальной структуры к дальнейшей дискуссии. Прагматический компонент эмотивного репрезентатива: «Я не получаю, а все получают», – опроверженный хезитативными конструкциями «мне кажется», «почему-то», снижающими уровень эпистемической ответственности говорящего, является главной интенционально эксплицируемой пропозицией будущей коммуникации.

Представленный утвердительный ассертив: «Все получили, а я нет» – имеет иллюкутивную

<sup>1</sup>Личный архив исследователя Ю. И. Бредихиной. URL: <https://disk.yandex.ru/d/RS7JlmyBN6mODA> (дата обращения: 15.01.2025).



направленность директивы – «попытки», в которой адресант добивается того, чтобы слушающий совершил нечто [Сёрл, 1986], что в рассматриваемом случае не противоречит его внутренней концепции. Манифестированная идея раскрывает лично актуальную для адресанта цель. Надеюсь создать общее коммуникативное пространство (насыщенное положительными эмоциями), необходимое для ликвидации барьеров общения между участниками данного акта исходно некооперативной интеракции, клиент в любой момент готов лавировать в текущей коммуникации, подключая апеллятивы: «Мария Ивановна», «Уважаемая Мария» или «Машенька» с внедрением такеси и вокалики, параллельно подключая ксеноденотативную тактику смягчения с применением метакоммуникативных фатических маркеров (специфических дискурсивных единиц): «милая», «лапонька», «деточка».

*Клиент:* Ой, лапонька, посмотри, что там мне начисляется! Вот, подумала, надо к вам сходить на всякий случай, вдруг мне положено много денег.

Тактика внесения неформальности, используемая клиентом, скоординирована на избежание предвзятости со стороны специалиста, а внедрение им элементов юмора «вдруг мне положено много денег» помогает преодолеть сдержанность, закрытость и добиться эффективной коммуникации.

Клиент может быть абсолютно уверен или не уверен в актуальности эксплицитного или имплицитного функционального репрезентатива. Однако он изначально имеет свое преддискурсивно имажинативно сформированное представление о модели протекания речевого взаимодействия (своего рода модельную прессуппозицию), проходящего в рамках государственной структуры социальной службы, в образе которой фрустрация как мощный мотиватор для изменения ситуации и достижение целей на начальном этапе коммуникации всегда заменяется эйфорией (удовлетворением конклюдией). Смена фрустрации эйфорией может быть описана в схематизме, автором которого являются сами представители класса клиентов: «...типа, пришел с копьём – стукнул копытом – всё сделали – ушел с улыбкой».

Однако вся интеракция, осуществляясь в рамках постоянного сравнения, адаптации и коррекции собственных реальных и коммуникативных действий клиента с векторами аналогичных речевых ходов агента на основе конвенций и норм, продиктованных «третичным агентом», не всегда может отвечать внутренним требованиям клиента (актуальным, мотивационным и интерпретационным значимостям) [Бредихина, 2023]. В таком

случае дальнейшее развитие коммуникативного взаимодействия будет определяться следующими факторами: синергией векторов развития дискурса, эмоциональным типом личности контркоммуникантов, их дискурсивной компетенцией (знанием и умением пользоваться паттернами), а также способностью к осуществлению пертинентностно-релевантного перехода в условиях некооперативного взаимодействия [Бредихина, 2023].

Уже на этом этапе коммуникации данная дуальная парадигма находится под пристальным наблюдением «третичного агента» социальной службы. Строго регламентированные коммуникативные действия социального института сдерживают самосильность развития всего процесса социально значимой, стремящейся к консолидационному уровню, но исходно некооперативной коммуникации, по сути, стремясь нивелировать энтропию. Именно на основании позитивного модерирования пересекающихся областей целеполагания и контроля за формами коммуникативной репрезентации становится возможным учет «интересов всех участников межинституционального взаимодействия и одновременно возникает возможность апробации принимаемых решений с последующим их внедрением» [Гусейнова, Горожанов, 2024, с. 18] в дискурсивные практики пограничной коммуникации. Институциональный дискурс есть специализированная конвенционализированная и легитимизированная «третичным агентом» разновидность общения. Устанавливается некий стандарт поведения, которому, в свою очередь, свойствен определенный набор типичных для данной сферы речевых событий, типичных моделей речевого поведения при исполнении тех или иных социальных ролей, типичной тематики общения [Кунцевич, 2005].

Под пристальное рассмотрение ежеминутно попадают оба участника коммуникативного процесса: представитель социального института и клиент. Как правило, у такого обращения несколько сценариев (сюжетных схем):

*Агент:* Вам, согласно Федерального закона, ежемесячно начисляется и выплачивается компенсация за коммунальные услуги. Все изменения, положенные Вам, будут производиться в автоматическом режиме. Если будет необходим дополнительный пакет документов, то мы Вам об этом обязательно сообщим!

*Агент:* Для начисления ежемесячной денежной компенсации Вам необходимо предоставить в органы социальной службы пакет документов (перечень необходимого предоставлен).

В представленных агентом матрично построенных официальных ассертивах «Вам начисляется», инструктивах «Вам необходимо», промиссивах «Вам сообщим», «будут производиться», содержится ответная реакция гармонизации на стимул, который исходно, представляет собой вербализованный проблематизированный маркер провокативной коммуникации, которую можно прогнозировать и держать под контролем на основе интенционального иллюкутивного праймирования. Таким образом, можно подчеркнуть, что рефлексия сотрудника социальной службы оказывается «запертой» в рамках социального института и находящейся под пристальным вниманием «социальной службы» как модулирующего фактора (третичного агента) всего процесса вербальной и невербальной коммуникации [Бредихина, 2024].

Направленная в адрес агента информация и будет являться маркером точки бифуркации при условии нацеленности клиента на:

1) полное согласие с представленной ему специалистом информацией и гармонизацию всей предстоящей коммуникации:

*Клиент:* Да, спасибо большое, понятно. Подскажите, пожалуйста, ваш график работы.

2) на дальнейший эмотивно и провокативно маркированный конфликт с использованием угроз и манипулятивных методов:

*Клиент:* Я с вами не согласен! Так и знала, что здесь сидят спекулянты и обманщики! Где ваш руководитель? Все! Иду писать жалобу в высшие органы! Я обещаю, вы у меня еще попляшете! Я так на вас надеялась, а вы! Это позор!

После утвердительного вердиктива: «Я с вами не согласен!» – представленный эмотивный ассертив: «Так и знала» – переходит в чистый эксплицитированный комиссивный перформатив: «Я обещаю, вы попляшете!» Имплементация ходов контраста: «Я так на вас надеялась, а вы!» – и усиления экспрессивом в форме релятивной десементизированной конструкции: «Это позор!», – направленных на эффективный контроль за вниманием реципиента и подчеркивающих важность субъективной макроинформации, завершает эмоционально окрашенное вербальное взаимодействие на агента и позволяет клиенту достичь максимального перлокутивного эффекта. В текущий коммуникативный процесс включается скоординированная специалистом социальной службы яркая промиссивная экспрессия, соответствующая принципу: «All's fair in love and war» («В любви и

на войне все средства хороши»), с привлечением невербальных средств и вербальных тактик.

*Агент:* Подождите! Не торопитесь! Все Вам начислят, если положено! Не переживайте!

Необходимость внедрения специалистом хода митигации: «Все Вам начислят, если положено!» – минимизирует возможность реализации экспрессивной интенции клиента как основы будущих рисков событий. Позитивная реакция клиента на представленное уведомление сдерживает клиента и меняет его внутреннее состояние: эмоциональность подавляется, отношение к ситуации становится более лояльным, а коммуникативное поведение более прогнозируемым.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном нами информационно-коммуникативном пространстве ярко демонстрируется попытка конвергенции элементов институционального и персонального общения. Она предстает в качестве базы создания общей области пространства целеполагания и речеактового варьирования. Гибридные черты этих видов дискурса непрерывно стремятся коррелировать друг с другом. Однако каждый участник коммуникативного акта понимает, что ни одно действие и слово не может быть осуществлено без ситуативной адаптации к конвенциям «третичного агента» (*tertiarii agens*) социальной службы.

Выбор «правильного» коммуникативного хода, как адекватного моделям институциональной коммуникации локуции и в то же время способного к эффективной трансляции иллюкуции является маркером дискурсивной компетенции. Она необходима как клиенту, так и агенту. Умение адаптироваться к психоэмоциональному пространству коммуникации и способность владеть ситуацией характеризует агентов и клиентов социального института в рассматриваемой области некооперативного взаимодействия и является примарным экспликативным компонентом дискурсивной компетенции контркоммуникантов.

В результате анализа локутивных актов, совокупность которых проявляется в реализации иллюкутивного потенциала, а также ситуативной и институционально детерминированной адаптации, был определен перечень наиболее эффективных речевых актов, располагающих говорящих субъектов к управлению дискурсом. К числу этих речевых актов относятся: ассертивы, комиссивы, квеситивы, промиссивы, перформативы, декларативы, апеллятивы, метакоммуникативные фатические маркеры.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дейк ван Т. А. Язык познание коммуникация. М.: РИО БГК имени И. А. Бодуэна дэ Куртенэ, 2000.
2. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация. М.: ИНФА-М, 2003.
3. Алферов А. В. [и др.] Интеракциональная когнитивная семиотика: понятийные составляющие метода (интерпретанта, релевантность, ad hoc-концепты) / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова, Г. Е. Попова, И. Г. Тамразова // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 3. С. 30–36.
4. Бубнова Г. И. Лингвокогнитивный анализ научного текста: гибридизация под воздействием многоканального порождения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 23–30.
5. Попова Т. П. Характеристики институционального дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6 (2). С. 295–301.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.
8. Остин Дж. Три способа как пролить чернила. Философские работы. М.: Алетейя, 2006.
9. Сёрл Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. С. 151–194.
10. Бредихина Ю. И. Антропоцентрические и когнито-коммуникативные основания делимитации релевантности и пертинентности в дискурсе социальной работы // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. 2023. № 2 (20). С. 28–37.
11. Бредихин С. Н. Теория некооперативных игр в порождении и интерпретации высказываний институционального дискурса // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2023. № 16. С. 50–58.
12. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Реализация концепции «диалога на равных» в вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2024. № 3 (852). С. 17–23.
13. Кунцевич С. Е. Психологические аспекты политического дискурса // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. 2005. № 4 (20). С. 37–50.
14. Бредихина Ю. И. Способы управления институциональным дискурсом посредством внедрения паралингвистических и экстралингвистических приемов невербальной коммуникации // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2024. С. 41–47.

## REFERENCES

1. Dijk van T. A. (2000). Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya = Language. Cognition. Commenciation. Moscow: J. A. Baudouin de Courtenay BGK. (In Russ.)
2. Geuhman, O. Ya., Nadeina, T. M. (2003). Verbal communication. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
3. Alforyov, A. V. et al. (2020). Interactional cognitive semiotics: the notional components of the method (interpretant, relevance, ad-hoc concepts) / A. V. Alforyov, Ye. Yu. Kusstova, G. E. Popova, I. G. Tamrazova. Pyatigorsk State University Bulletin, 3, 30–36. (In Russ.)
4. Bubnova, G. I. (2024). Linguocognitive analysis of a scientific text: hybridization under the influence of multichannel generation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (894), 23–30. (In Russ.)
5. Popova, T. P. (2015). Characteristics of institutional discourse. Historical and Social Educational Ideas, 7–6(2), 295–301. (In Russ.)
6. Karasik, V. I. (2002). Языковой крyг: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
7. Foucault, M. (1996). The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Moscow: Kastal, 1996. (In Russ.)
8. Austin, J. (2006). Three ways to spill ink. Philosophical works. Moscow: Aletejya. (In Russ.)
9. Searle, J. R. (1986). What is a speech act. New trends in foreign linguistics, 17, 151–194. (In Russ.)
10. Bredikhina, Yu. I. (2023). Anthropocentric and cognitive-communicative bases for the delimitation of relevance and pertinence in the discourse of social work. Stavropol State Pedagogical Institute Bulletin, 2(20), 28–37. (In Russ.)
11. Bredikhin, S. N. (2023). The theory of non-cooperative games in generation and interpretation of utterances in institutional discourse. Professional Communication: Topical Issues of Linguistics and Methodology, 16, 50–58. (In Russ.)
12. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Implementation of the concept of “dialogue on equal terms” at the university. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching, 3(852), 17–23. (In Russ.)
13. Kountsevitch, S. E. (2005). Psychological aspects of political discourse. Minsk State Linguistic University Bulletin. Philology, 4(20), 37–50. (In Russ.)
14. Bredikhina, Yu. I. (2024). Ways to manage institutional discourse through the introduction of paralinguistic and extralinguistic techniques of non-verbal communication. Isomorphic and allomorphic features of language systems (pp. 41–47). Stavropol: Izdatel'stvo SKFU. (In Russ.)

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

### **Бредихина Юлия Игоревна**

магистр лингвистики  
аспирант кафедры русского, родных языков и лингводидактики  
Ставропольского государственного педагогического института

## INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

### **Bredikhina Yulia Igorevna**

Master of Linguistics  
PhD Student  
of Department of Russian, Native Languages and Linguodidactics  
Stavropol State Pedagogical Institute

Статья поступила в редакцию  
одобрена после рецензирования  
принята к публикации

25.01.2025  
16.02.2025  
13.03.2025

The article was submitted  
approved after reviewing  
accepted for publication